

Николай Сванидзе
Выступление на Круглом столе
«30 лет гласности: К чему пришли сегодня?»
17 марта 2015 г.

Н.К. Сванидзе. Я хочу в горячей полемичной манере согласиться с большинством того, что говорилось до меня. И что-то еще от себя добавить, с вашего позволения.

Во-первых, Леонид Никитинский. Предложение – Клуб, мы элита, создать некие возможности лоббирования. У меня сразу вопросы: какой Клуб, для кого Клуб, чей Клуб. Элита. Какая мы элита, кто элита? Мы, здесь сидящие в этом зале? Кто нас в качестве этой элиты признает кроме нас самих? Лоббирование. Где лоббировать? У нас лоббируют только в одном месте – в Кремле, за красной стеной. Там у людей, которые принимают решения, абсолютно свои интересы. Будем мы лоббировать, не будем лоббировать – мы в их системе жизненных координат занимаем вполне определенное место, прямо скажем, невеликое. И от нашего лоббирования мало что зависит. Я бы сказал: ничего не зависит. Это первое.

Второе. Абсолютно присоединяюсь к тем выступавшим, а прежде всего к Леониду Парфенову, который сказал, что журналистика зависима прежде всего от аудитории. Мы действительно сейчас абсолютно не востребованы как цех. Те люди, которые считают себя журналистами. Надо отдавать себе в этом отчет. Этот цех абсолютно изменился. Аудитория абсолютно изменилась. Страна абсолютно изменилась с тех времен, за которые мы сегодня дружно благодарим Михаила Сергеевича Горбачева. И молодые люди, сидящие в этом зале, не могут себе представить тех времен.

Я помню, в 1990 году осенью, как раз за два месяца до того, как я пришел на телевидение (а до этого не имел ни малейшего отношения к телевидению, к журналистике, уже был взрослым человеком), я поехал по

школьному обмену в качестве взрослого человека. Я тогда занимался Соединенными Штатами Америки. И академик Велихов курировал тогда такой обмен. Американские школьники, наши школьники ездили туда-сюда. Поскольку я был специалистом по стране, я туда поехал в качестве сопровождающего.

Повторю: осень 90-го года. Я помню, как в Нью-Йорке мы пришли в некий магазин среднего класса, и молодой человек, выше меня на голову, из Новосибирска, десятиклассник упал в обморок у меня на глазах, увидев отдел, в котором продаются джинсы. Он просто принял горизонтальное положение. Он не мог себе представить джинсы в свободной продаже. Этих молодых людей и девушек у меня на попечении было примерно полтора десятка. Один упал в обморок – его приводили в себя, а второй на четвертый день сошел с ума. Действительно у него «поехала крыша». Ему хозяева – американская сторона – вызвали (мы тогда уже были в Филадельфии) из Флориды специалиста-психиатра – молодого парня, который приводил его в себя, чтобы можно было его через неделю посадить в самолет и отправить в Москву. Вот так это было.

И действительно где-то, наверное, с середины 70-х, когда уже активно пошли анекдоты про Брежнева, стало ясно, что эта агитка не работает. Работает против себя. Дальше - только больше. Помню, моего приятеля продвигали в депутаты в конце 80-х годов. Тогда это было модное занятие: серьезные, уважающие себя люди шли в эти депутаты, и была нормальная конкуренция. Я помню, ребята писали на агитационных листочках его оппонента, развешанных на стенке, что он работает в райкоме партии. И это срабатывало против. Был такой черный пиар, которым занимались мои коллеги.

С тех пор все изменилось. Изменилось до неузнаваемости. Здесь приводили в пример чехов и поляков. Разумеется, конечно, это правда. И, конечно, они по-другому вспоминают времена Советского Союза и системы

социализма. А по-другому вот почему. Потому что и они, и мы вспоминаем империю. Но для нас в данном случае (когда я употребляю это местоимение множественного числа первого лица, говорю: мы, имею в виду не здесь присутствующих, я имею в виду народ или население Российской Федерации в большинстве своем) это приятные воспоминания о нашей империи, о нашем имперском величии и могуществе. А для них это воспоминание о чужой империи, в которой они были подчиненными. И поэтому для них понятие патриотизма и понятие советского прошлого диаметрально противоположные. А для нас между ними знак равенства.

Поэтому совершенно разный характер воспоминаний, абсолютно полярный и сравнивать не приходится. Когда у нас в течение этих последних долгих лет вбили в голову эту ностальгию об имперском величии, дальше уже ничего не надо делать. Дальше это работает само.

Одна проблема – это аудитория. Вторая проблема – это настроения внутри самого журналистского цеха. Давайте не будем забывать, дорогие друзья, что нас, здесь сидящих, очень мало. И здесь не сидящих, но примерно так же, как мы, думающих и осознающих себя в пространстве, очень мало. А подавляющее большинство думает совершенно по-другому, причем это молодое большинство. Это профессионально растущее, в смысле сейчас делающее карьеру большинство. И я наблюдаю этих людей. Среди них есть разные люди в смысле искренности. Есть люди циничные, есть люди искренние. Но в основном они в полном восторге от происходящего. Потому что для журналиста, так же, как для любого другого человека, важно соответствие между тем, что он видит, и что он думает, и что он чувствует.

Правильно говорил Леонид Никитинский о том, что все мы ангажированы. Я совершенно с этим согласен. Причем мы ангажированы с разных сторон, не только своими убеждениями, хотя это абсолютно справедливо. И не только властью, и не только работодателем, который платит деньги. Мы ангажированы своей референтной группой. Мы

ангажированы своими близкими, своими друзьями, людьми, которые звонят нам по телефону и хвалят или критикуют. Мы хотим нравиться. Мы ангажированы, несомненно, аудиторией, на которую мы работаем. Мы ангажированы людьми, которые случайно нас узнают на улице, если мы узнаваемы в той или иной мере, которые нам тоже что-то говорят. Приятно, когда говорят хорошее.

У наших коллег, у их подавляющего большинства счастливая ситуация. Потому что у них все соответствует тому, что они делают и говорят. Власть довольна; аудитория довольна; жена, которой они приносят деньги, довольна; друзья, одноклассники, бывшие однополчане довольны. Потому что подавляющее большинство наших сограждан сейчас думает так же. Поэтому и они довольны. Они чувствуют себя частью той силы, как было сказано классиком. И они превосходно себя ощущают.

Мы сейчас маргинальны, причем абсолютно маргинальны. Можем создавать клубы, еще что-нибудь создавать. Я, честно говоря, большого смысла в этом не вижу. Приятно ходить в клуб, играть в бильярд. Я не знаю, что мы там будем делать.

Я думаю, что здесь все очень просто. Здесь пробиваться-то нужно так или иначе в одиночку каждому. Потому что есть представление о собственной репутации у тех, у кого оно есть. Есть представление чисто личное, индивидуальное о том, что такое хорошо, что такое плохо. Есть представление о том, как ты хочешь выглядеть, глядя на себя в зеркало по утрам. Ну, и все, пожалуйста. Если тебе это неинтересно, то тогда неинтересно. Если тебе это интересно – слава Богу. Но здесь никакой клуб и никакая лоббистская группа, я боюсь, не спасут. В любом случае должно пройти некоторое время, и этот штурвальчик истории должен повернуться еще на несколько оборотов. Что-то измениться. Но, несомненно, что-то измениться, потому что мы абсолютно зависим от объективной реальности. Объективная реальность точно изменится. Думаю, она изменится в течение

ближайших лет. В какую сторону, куда – не знаю. Но что изменится – это точно. Может быть, хуже будет. Но по-другому.

Здесь, на мой взгляд, нужно делать, что следует, и будет, что будет. Других возможностей у нас нет.